

ОБ ЭГОИЗМЕ

Владимир Александрович Снатенков,
путешественник, действительный член
Русского географического общества (побывал
более чем в 150 странах мира), vsnatenkov@gmail.com

...для прихотей одного
человека всей Сибири мало!
Д. И. Фонвизин

В статье автор рассуждает о таком важном человеческом качестве, как эгоизм; анализирует истоки формирования этого явления; выявляет его социальные корни; приводит основные признаки и характерные особенности эгоиста.

• эгоизм • эгоист • сочувствие • подлость • человечность • дружба
• беспринципность • предрассудки • идеология • потребитель

I. Понимание эгоизма

1. Все ли эгоисты?

Эгоист человек или не эгоист — это самое важное его качество, это стержень его поведения. Только ли человек берёт всё для себя или столько же отдаёт другим, определяет бытующее понятие хорошего человека и плохого. Ни воля, ни талант, ни образованность, ни прочие тысячи других свойств и качеств не определяют человека так, как соотношение в нём: сочетает ли он свои интересы с интересами других.

«Каждый человек — эгоист», — можно услышать такое мнение. Или встречаются более поэтические заключения: «Каждый человек интересен! Каждый человек — личность!» Не каждый. Люди встречаются и тяжёлые, и угнетающие собой. Не с каждым есть желание об-

щаться, подружиться, вместе работать, проводить досуг. Каждый человек имеет инстинкт самосохранения, а эгоист — это уже определённый перекос или излом в психике. Что все люди эгоисты, чаще всего утверждают сами эгоисты. Они перекладывают беду с больной головы на здоровую. Псевдонаука, оправдывающая эгоизм, это обосновывает.

В фильме «Республика ШКИД» является в детскую колонию новый воспитанник Слоёнов. Он отбирает у малышей путём ростовщичества последний хлеб, подкупает этим хлебом старших и становится заправилкой среди колонистов, которому все подчинились. Кто угодно может называть Слоёнова и интересным, и личностью, но те, кого он обирал и даже кого подкупил, презирали его хотя бы в душе. Это законченный, наиболее подлый тип эгоиста. Обратим внимание, что этот характер

сложился уже в детстве. Заведующий колонией, которого книга и фильм представляют талантливым педагогом, не стал перевоспитывать негодного юнца, тут же ускользнувшего из детского учреждения. В другом месте, где не столь проникательные педагоги, юный «ростовщик» пойдёт дальше и задержится там дольше, сильно усугубляя атмосферу и характер отношений среди детей.

Ещё один пример из «Республики ШКИД». Приходит другой новенький по кличке Мамочка. Крадёт вещи, паясничает на уроках и пытается убежать из колонии: всё плохо с этим воспитанником. Но в нём есть что-то главное, что вызывает симпатию к нему у колонистов и у педагогов... Мамочка явился в колонию с сопровождающим. Неожиданный звон разбитого стекла. Из окна выглядывает возмущённый дежурный воспитатель и видит перед собой только одного взрослого.

— Это ты разбил стекло? — строго спрашивает подозрительного взрослого воспитатель. Тут же рядом появляется маленького росточка, с открытой улыбкой одноглазый Мамочка с балалайкой и, куражась, объявляет:

— Нет. Он бы не попал! Это я!

Талантливость режиссёра фильма в том, что он за минуту воспроизвёл весь характер ново-явленного — хулиган, но душа нараспашку.

Первого героя фильма «ростовщика» Слоёнова перевоспитать нельзя, а Мамочку — можно. И тот и другой не подарки, распущенные улицей беспризорники. Но разница между ними на пропасть. В чём разница? В степени испорченности и прежде всего в мере эгоизма. И Мамочка сподличал — пытался украсть ботинки у своего друга покровителя, но он не безнадёжен. В нём, конечно, изломаны всем существованием любые представления о хорошем и плохом: все кругом крадут, красть можно. Но он не бесчеловечен. В нём есть сочувствие к другим. Сочувствием к окружающим, собственно,

и измеряется человеческое в людях. Без ботинок дружок обойдётся: поносил, дай другим поносить... А когда впоследствии на улице стали жестоко избивать при нём неизвестного мальчишку, он без оглядки с риском для жизни кинулся того защищать. Хулиганство, воровство, бескультурье шпаны — это искорёженность человеческой природы, а эгоизм — это её гниение. Корявый ствол дерева или гнилой — принципиальная разница; корявый на что-нибудь да сгодится, если его обработать, а гнилой — разве что на удобрение. Неслучайно также, что Мамочка весь открытый, а Слоёнов скрытен. Эгоисты всегда себе на уме.

Педагог А. С. Макаренко за 16 лет работы в двух колониях выгнал, как неисправимых, семь или восемь человек.

«...Корнеев, неудавшийся колонист, про-бывший в колонии всего три недели, об-крадывавший нас сознательно и регуляр-но, потом попавшийся на краже в городе, постоянный скиталец по угрозыскам, существо в высшей степени гнилое и от-вратительное, один из немногих людей, от которых я отказывался с первого взгляда на них».

Скажут: ну, это было когда? И это же беспризорники! А разве эгоистов мало сегодня? Разве в школах редки случаи, когда одни дети подавляют других? Школьники часто мучаются от того, что кому-то устраивается моббинг: тех, кто послабее характером, унижают циники, чаще всего внешне воспитанные. Всё делается мастерски, с многозначительной улыбкой, так что ни к чему нельзя при-даться. Внешне всё хорошо, а присут-ствует угнетение. Такое мастерство свойственно больше отпрыскам элитных школ. Взрослые на это обычно закрыва-ют глаза и не замечают издевательств, которые бывают в отношениях между детьми и особенно между подростками. За своими делами, за суетой они не ве-дают, что более чувствительные дети от таких притеснений замыкаются в себе

и отгораживаются от самых близких людей. Потому что внешне всё хорошо: на что пожаловаться? Уже в этой запутанности, внешне упрямой фальши общества кроется непонимание между родителями и детьми. Между тем атмосфера тихого издевательства в школах — обычное явление. На класс, как правило, находятся лишь несколько активных деятелей, остальные невольно участвуют в угнетающих отношениях из-за своего трусливого согласия. Класс — это общество в миниатюре со всеми его болезнями. Зверинец общества всегда отражается на школе. Не каждый класс такой, но и не редкость угнетение среди школьников.

В подобной атмосфере первая роль обязательно принадлежит эгоистам, какую бы личину они ни носили. Свои действия они прикрывают интригами, с безобидными для подростков названиями, «поприкалываться» например. Как будто хотели только пошутить, а не поиздеваться. На деле же — это способ отдельных персон подчинять себе во всём других. Этих юных притеснителей нельзя путать со всеми остальными в классе. **Само стремление подчинять себе окружающих характерно не всем, а только эгоистам.** Понятно, эгоисты есть и незаконченные: они могут быть ими на половину, на четвертинку, на осьмушку. И так же понятно, что полужоистик быстрее, чем остальные, поддержит законченного эгоиста в подчинении себе других в классе. Всех остальных же тяготят притеснения, пусть даже только одного или двух учеников. Эти остальные если не осознают, то всё равно ощущают себя невольными участниками подгнивающего процесса в отношениях, в которых они живут. Ведь большинство людей ищет общности и хочет дружить между собой. Такова не всегда приглядная картина класса, если смотреть на отношения школьников изнутри, а не с внешней, подкрашенной фальшью стороны.

Удобно устраиваться за счёт других чаще неосознанная цель эгоиста. **Привычка мало с кем считаться, чувствовать только своё удобство воспитывается с пелёнок — она и есть эгоизм.** Желание подчинять себе во всём других, чуть ли не звериные инстинкты часто приписываются человеческой природе, всем людям подряд (социал-дарвинистами,

например). **Но негодяю и бескорыстному человеку нельзя приписывать одну и ту же природу: они антиподы. Точно так же суть эгоиста нужно отличать от сути неэгоиста.** Не всем людям вообще, а только эгоистам свойственно стремление подчинять себе окружающих. Сказать по-другому, таким же образом различны сущности индивидуалиста и коллективиста.

Но не только угнетение присутствует среди учеников. В классе обязательно есть и друзья. Человеческие отношения больше всего измеряются дружбой, которая особенно выразительна в детстве. Дружба — это взаимопонимание, открытость, искренность, бескорыстная помощь. Но она может быть противоречивой, если её подтачивает какая-либо фальшь. Проявлениями в дружбе эгоиста особенно заметно отличается от неэгоиста. Ему не всегда даётся искренность и взаимопонимание из-за привычки чувствовать только свои удобства. По этой же причине из него выпирает стремление подчинять себе окружающих людей и даже тех, кого он считает друзьями и близкими. Эгоисты быстро находят друг друга, объединяются и думают, что уже дружат. От «друзей» они чаще ожидают поддержки собственных интересов, то есть относятся к ним потребительски. Поэтому эгоисты не знают той настоящей дружбы, которая есть между детьми, бескорыстными, искренними, сочувствующими, открытыми друг другу. У них либо нет друзей, либо они мнимые, либо отношения с ними тяжёлые. Поэтому же несколько несносных характеров могут создавать нездоровую атмосферу в кругу большого числа учеников, в общем-то, неплохого по составу класса: все относятся к окружающим, как к равным, но не эгоисты. У взрослых картины ещё тяжелее, до драматических. Окажется пара противных особ на работе и терроризирует собой всех. А убрать их? Не всё так просто: злопыхатели умеют удобно пристраиваться в жизни.

К сказанному оговорим одну деталь. Все рады видеть человека, про которого говорят, что с ним легко. Легко, потому что он не стесняет окружающих своей персоной. Однако **не будем путать лёгкий характер с беспринципностью**. Принципиальный человек не всегда будет удобен людям скользким, фальшиво вежливым, всюду компромиссным, не в меру добрым, насквозь либеральным. Всё фальшиво-вежливое изнутри пронизано ещё и эгоизмом.

В этой главе я хочу с разных сторон рассмотреть понимание эгоизма в человеке, прежде всего для учителей и родителей, а не в среде специалистов науки. Для родителей — потому что все мы воспитатели своих детей. Эгоизм — понятие психологии, а также в широком смысле и педагогики, и всей социологии. Определений науки в такой непростой теме не обойти, но у науки, в частности у психологии, очень сложный язык, можно сказать, свои непролазные дебри. Попробуем в самой популярной форме, максимально простым языком говорить о нюансах человеческой психики, которые определяют поведение. Популярно не значит примитивно. Всякую демагогию о якобы характерном каждому человеку эгоизме я ставлю в жёсткие рамки двух примеров о двух героях противоположной сущности из широко известных книги и фильма «Республика ШКИД». Слоёнов и Мамочка — оба воспитанники улицы, с проявлением многих негативных черт, но **один эгоист, а другой — нет**. От полных эгоистов на практике отказывались даже выдающиеся педагоги.

2. Поход — неординарное событие

Говорят, чужая душа — потёмки. Но, когда события разворачиваются с полным напряжением сил, физических и душевных, человек обнаруживается полностью, хочет он сам того или нет. С некоторых пор к походам (не только к своим) я стал относиться отчасти как к научной лаборатории: в них сплошные эксперименты и опыты, как и вообще в любых экстремальных или очень динамич-

ных событиях жизни. **Большое событие испытывает всех**. То, что в обычной жизни, например в жизни класса, бродит годы, в походе всё развивается за неделю или за две. Поход — это взрыв, это вулкан во время извержения. Вулкан не всегда извергается; основную часть времени своей многовековой жизни он дремлет или слегка пыхтит, он долго прячет свою действительную сущность. И характер человека в вялом течении жизни не проявляется полностью. Поскольку общество перманентно больное, то лучше сравнивать действие похода не с величественным вулканом, а с нагнивающим нарывом, эдаким вздувшимся болезненным чиряком. В походе сразу всё, что нарывало, вылезет наружу, и к его окончанию будет видно, чего стоили группа и каждый участник в отдельности. **Экстремальные события проявят всех участников, как на лакмусовой бумажке. Чем подобные события не эксперимент?**

Походов со школьниками я провёл сотни, и среди них не было двух одинаковых. И это понятно: разные участники, необычные ландшафты, новые края делают каждое путешествие неповторимым. Недельный или двухнедельный маршрут предполагает ещё изучение района, большую организационную подготовку, а после него празднование, множество фотографий и воспоминаний. Для учеников часто такое путешествие становится событием года. Но кроме всего — и открытием себя, а также более ясным открытием для себя других. И учитель разом узнаёт лучше класс. Притом **закономерно: чем более трудный поход, тем больше он раскрывает человеческие характеры**.

Учитель видит учеников на уроках в течение года и составляет о них свои представления. Всего лишь недельный поход вносит куда более точные поправки в узнаваниях им своих воспитанников. В одном итальянском походе со школьниками у нас в группе были две девушки — молодые педагоги, увлекающиеся психологическими тестами. Я встречно, с некоторой иронией, предложил им экспромтом свой

тест. В трёх списках на листах нашей многочисленной группы напротив каждого имени нужно было поставить, кто надёжен в походе или ненадёжен. Заканчивался только третий день на маршруте. Через 15 минут мы втроем сверили наши «крестики и нолики» и расходатались вместе с эхом в горах: один к одному наши отметки совпадали. К тестам я особенно не тяготею, как любой горный гид, но у девушек за поход мировоззрение пошатнулось на всю модную педагогику, которую они до того впитывали. Модная педагогика научила их квалифицированно развлекать детей из обеспеченных семей, верить в оригинальность любого баловня, искать компромиссы со всеми на свете капризами, но не научила вглядываться на всех остальных детей, живущих без изысков. Детский обустроенный лагерь с обслуживающими поварами, уборщицами и развлекающими педагогами, которых не меньше, чем подопечных, эта так называемая **альтернативная педагогика, устроенная на одних забавах, за поход с обычным самообслуживанием в их глазах провалилась**. Наш маршрут пролегал в Доломитах — красивейшем и без селений районе Альп. Поход не барский, а с трудностями на уровне жизни, которые испытывают простые смертные, разом протестировал всех нас без исключения, в том числе и взрослых. Тех детей, которых молодые педагоги привезли с собой и знали раньше, они за три дня увидели другими глазами; они посмотрели на них не в парниковых условиях. Девушки не были оторваны от жизни, но уже были сбиты с толку модным образованием. Поход очень быстро вправил им здравый взгляд на своих подопечных. Событие, максимально испытывающее людей, не только часть яркой жизни, оно одновременно и проверка человеческих характеров.

3. Противоречия науки и практики

Если в школу придут психологи из учёного учреждения, раздадут листочки и проведут тесты из надуманных вопросов, то их выводы будут считаться научными. Но если учитель в каждодневной работе с детьми видит повторяющуюся закономерность, подтверждающуюся практикой каждого дня, то его наблюдения не считаются научным выводом. Я стараюсь игнорировать такую предвзятость

науки к практике, нисколько не отрицая разницу в обыденном и научном сознании. Педагогу, как и родителям, всегда полезно опираться на опыт работы с детьми и одновременно на базовую науку, безусловно, приглядываясь ко всему критически. **Критериями науки могут быть только практические результаты.**

Педагогика — это наука! Но как понять такую насмешку в ней: профессор педагогики может воспитать плохого сына, а малограмотная мать-одиночка — поднять своих двоих детей, дать им образование и вырастить настоящих людей? Также может случиться и наоборот. Сколько в жизни случайных результатов: есть ли вообще такая наука? Когда Макаренко в 1920 г., сразу после революции и ещё не окончившейся Гражданской войны, пришёл работать с беспризорниками в колонию, он увидел перед собой необузданную орду несовершеннолетних преступников. Все правила великих педагогов были хороши, но мало подходили для колонистов. **Педагогика рассказывала, как нужно воспитывать с рождения, а не перевоспитывать уже испорченных.**

В «Педагогической поэме» он писал: «Я с отвращением и злостью думал о педагогической науке: Сколько тысяч лет она существует! Какие имена, какие блестящие мысли: Песталоцци, Руссо, Наторп, Блонский! Сколько книг, сколько бумаги, сколько славы! А в то же время пустое место, ничего нет, с одним хулиганом нельзя управиться, нет ни метода, ни инструмента, ни логики, просто ничего нет. Какое-то шарлатанство».

Макаренко рассказывает ещё о чиновнике образования: «Во время моего доклада о дисциплине он (чиновник Шарин) меня “крыл” беспощадно: “Локализованная система медико-педагогического воздействия на личность ребёнка, поскольку она дифференцируется в учреждении социального воспитания,

должна превалировать настолько, насколько она согласуется с естественными потребностями ребёнка и настолько она выявляет творческие перспективы в развитии данной структуры — биологической, социальной и экономической. Исходя из этого мы констатируем...». Он в течение двух часов, почти не переводя духа и с полужакрытыми глазами, давил собрание подобной учёной резиной...»

Сегодняшняя академическая терминология в педагогике, а особенно в психологии, изощрилась намного больше, и, может быть, поэтому их языком пользуется только каста посвящённых. Заумный язык всегда значит либо умышленное запутывание, либо неясность собственных мыслей. Но язык ещё не главная трудность: очень непросто в огромном ворохе книг **отличать науку от псевдонауки**. Вспомним замечательный советский многосерийный фильм «Михайло Ломоносов». В нём выражена вся суть борьбы в науке: есть немногие учёные-подвижники и есть несчётные их завистники — титулованные посредственности, пережёвывающие плагиат. Правительственная верхушка покровительствует удобным себе бездарям и угнетает всякий независимый ум. С тех пор мало что изменилось в науке. Даже выдающийся практический опыт Макаренко с его самыми блестящими результатами и огромным теоретическим багажом игнорируется всеми сегодняшними учреждениями. Да и сама наука стоит на коленях, она сплошь крохоборческая, питается «грантами» богачей, подачками с барского стола. А псевдонаука со всей мистической мишурой жирно проплачивается как часть оболванивающей идеологии. Сколько бредовой писанины от эзотерики до «инопланетян» давит на человеческие мозги!

К кому обращаются родители в случае провалов в воспитании? К практикующим психологам, у которых сплошные неудачи со своими детьми. Неудачи, потому что и они черпают знания не у действительной науки, а из мистики Средневековья, культивируемой идеологией. Сегодняшняя наука

не может похвастаться тем, что она защитница учителей и родителей от псевдонаучного хлама и тем более что она помощница практике. Наоборот, многие учителя-практики гораздо больше привнесли в научную теорию, чем академики от педагогики и психологии. Родителям можно здесь попутно посоветовать читать «Педагогическую поэму» и «Книгу для родителей» А. С. Макаренко. Эти две книги во сто крат полезнее, чем всё, что случайно подворачивается в Интернете и магазинах, пусть даже с громкими именами. Макаренко — это глыба и в практике, и в науке!

Учитель приходит в класс давать урок. Перед ним разные ученики, среди которых и педагогически запущенные. Родители также могут вдруг обнаружить червоточинку или факт полной неудачи в своих ожиданиях. Практически как перед учителями, так и перед родителями всегда возникают вопросы о воспитании или перевоспитании. Воспитание — это то же, что строить новый дом. Перевоспитание же очень болезненный, лучше сказать, мучительный процесс, это капитальный ремонт плохо построенного дома. С эгоистами ещё хуже. Вообразим капитальный ремонт здания, у которого негодный фундамент. Сделаны прочные стены, надёжная крыша, яркая отделка, а фундамент рыхлый. **Эгоист человек или не эгоист — это фундамент его характера, основная суть человека.** Если ребёнок уже эгоист, то остаётся одна надежда: изъян бывает разной степени. Определить эту степень не так-то просто любящим своим детей родителям. Лишь при тяжёлых обстоятельствах всё вылезет наружу сполна. Обычно и строители дома, и воспитывающие родители правят изъяны по ходу дела. Их намного легче править, если фундамент и каркас надёжны. А как быть, если основание рыхлое?

Строители, то есть инженеры, изучают сопротивление материалов и технологию, чтобы удачно строить. В воспитании царит сплошная поэзия: все знают,

как воспитывать, но мало кто может. Педагога А. С. Макаренко, у которого были безупречные результаты, грызли те, кто результатов не имел, но они знали, как воспитывать. Если предложить любому человеку построить большой дом, он тут же признаётся, что не специалист. Но в воспитании толк знают все. Почему так? Потому что человек устроен намного сложнее выстроенного дома; так сложно, что можно городить любую фантазию, главное — умными словами. А когда там вылезут наружу результаты воспитания? Такая мнительность о своих знаниях свойственна и специалистам: учителям, чиновникам образования, профессорам, пусть даже они придут из Академии педагогических наук. И работники науки часто изучают не те свойства человека и владеют не той техникой воспитания. Всё это проверяет практика жизни. Но разве мы требуем от них показать результаты? Мы им верим на слово: учёные (!).

4. Определение эгоизма в науке

Уясним ещё раз более сжато: в чём суть эгоизма? Эгоизм можно понимать по-разному. Злодей, негодяй, подлец — всё это меткие народные названия крайностей человеческой души по её проявлениям. Классическая наука (не псевдонаука) рассматривает проявления психики изнутри человека, согласно закономерностям и более беспристрастно. У неё и свой язык, чаще без эмоций. **«Эгоизм — одна из форм индивидуализма, когда человек в своём поведении руководствуется только своими интересами, не считаясь с интересами других»**, — сообщает нам один из философских словарей. Психологический словарь советских времён определяет **эгоизм как дефект воспитания**. В конъюнктурной и многотиражной сегодняшней писанине часто встречаются обратные утверждения. Или даются очень скользкие определения, угождающие всем и примиряющие бога с дьяволом. Мы не будем придерживаться оправданий эгоизма.

Противоположностью эгоизма иногда называют альтруизм, заключающийся в бескорыстном служении другим людям, в готовности жертвовать для их блага личными интересами. Альтруизмом также иногда считают слепую жерт-

венность, доходящую до фанатизма. Спор вокруг уяснения только этого термина в философии и психологии занимает многие страницы во многих книгах. А уж если взять спор о связанных с этой темой индивидуализме с противоположным ему коллективизмом, то он бесконечен. К нашей теме, чтобы не утонуть в учёных дебатах, лучше взять два простых определения: эгоист человек или не эгоист. И будем помнить, что эти два полюса, борющиеся в людях, ярче и объективнее всего проявляются в экстремальных событиях.

II. Как формируется эгоизм в человеке?

Во-первых, большинство людей не эгоисты, а вполне нормальные люди. Поэтому нужно рассматривать и нормальные, и эгоистические характеры так же, как в медицине отдельно изучают физиологию здорового организма и патологическую физиологию. Примеры тоже необходимо рассматривать противоположные — с проявлениями здорового характера и ущербного. Судя по всему, и подход к воспитанию нужно рассматривать двояко: как нормальное, идущее без явных сбоев, и как перевоспитание. На перевоспитание лучше смотреть с двух ступенек. Одно дело бороться родителям с необузданной ленью или, например, с хулиганством сына, другое — с эгоизмом, в котором он со всеми людьми старается выиграть только свои удобства. Одно дело перевоспитывать подлого Слоёнова, другое — бесшабашного Мамочку из «Республики ШКИД». В своём изложении я буду больше говорить об эгоизме, чем о здоровой норме в человеке, а также как он порождается и что можно поделат, если эгоизм становится устойчивой чертой. А обоснования попробую иллюстрировать примерами, которые предлагает нам каждый день жизни, а также примерами из своей практики работы со школьниками.

1. Привычка капризничать

Эгоизм в человеке формируется не каким-то неведомым путём, а посредством упражнения. Возьмём ситуацию, которую наблюдал каждый. Собираются гости выходным вечером. Все, кто приходит в квартиру, видят милое создание — девочку лет шести. Гости здороваются, общаются друг с другом, но обаяшке уделяют особое внимание: умиляются, рассыпаются комплиментами, гладят по головке, говорят что-нибудь лестное. Эти сентиментальности взрослые скоро забудут. А у малышки останется впечатление о своей исключительности: ах, она была центром внимания! Если это разовая доза всеобщего сюсюканья, то совсем не страшно, а если частая — дитя набалуется. Прибавьте сюда лишнюю хлопотливость родителей, да сердобольную бабушку, вращающихся вокруг ребёнка. Вот и эгоистик! В 10 лет у девочки будет выраженный налёт избалованности, в 13 наступит «трудный возраст». И это не всё! Дальнейшие коллизии всей семьи будут проходить в противостоянии девочки, девушки своим родителям, потому что её претензии в свою пользу станут переходить всякие границы. Разве редко люди путают любовь с избалованностью? Разве все понимают, что добром, если смотреть на него абсолютно, можно также перекормить, как и сахаром? **Избыточное внимание, лишняя опека, исполнение капризных желаний упражняют ребёнка в эгоизме.** Всё это для него становится привычным, как и сама привычка капризничать.

«Привычка свыше нам дана: замена счастья она...» (А. С. Пушкин)

В этой строке гения насмешка и над людской глупостью, и подчёркнутое значение привычки для людей; в известном смысле в ней — закон жизни.

2. Предрассудки общества

Внимание гостей не самое страшное. Каждая семья живёт каким-то своим укладом. И представим, что после гостей мама пред-

ложит бабушке отдохнуть, а дочери поучаствовать вместе с родителями в уборке стола и квартиры. Пусть внучка делает что-нибудь хорошее для бабушки. Возможно, что обаяния у ребёнка на время уборки убавится. Маленькая артистка начнёт канючить, скоро захочет спать или даже заплачет. Попробуйте тогда заставить бабушку отдохнуть, а ребёнка работать! Будет семейная драма. И общеизвестно, что бабушка не покинет поля боя, пока не утешит внучку. Хорошо, если только бабушка впадает в любвеобилие; часто и родители идут на поводу слепой любви. Культ любви — один из предрассудков в обществе, которым болеют, как вирусом, все по-разному. Будь четверо детей в семье, уже столько внимания каждому не уделить. А догадаться, что одному нужно раза в четыре меньше внимания (с бабушкой — раз в десять), мешает многим перевес инстинкта (чувства) над разумом. В животном царстве инстинкты здоровее: одна курица и около неё ходит выводок, а не пять куриц кудахчут вокруг цыплёнка. **В воспитании предрассудки наиболее дремучие.**

Предрассудком в психологии называют некритическое усвоение стандартных суждений. Эти суждения составляются людьми не только из личного опыта, они набиваются в мозги и каждодневной идеологией, сыпавшейся из СМИ и других учреждений. Рассудок и предрассудки мало зависят от образованности, социального статуса или даже специального воспитания — они определяются всей жизнью. А какая жизнь? К примеру, мы взрослой компанией летим в далёкое путешествие в Индонезию, чтобы отдохнуть от рутины и работы. В полёте пассажиров развлекают фильмами. Вот сохранившаяся запись из дневника: «Самолёт почти на 500 человек. Лететь 11 часов, сидеть утомительно, прошёлся по проходу. Половина пассажиров смотрят фильмы. Люди сидят с виду солидные. И ни одного нормального фильма. В фильмах всё горит, кругом стреляют, брызги крови и мозгов,

ужасы — и все приучены это смотреть. Если не горит и не убивают, то смотрят так называемые психологические фильмы, где сплошь психопатия, душевнобольная фантазия и психи персонажи. Убивают тоже не сразу, а долго — смакуют убийство. Эти пассажиры у экранов — все родители и воспитатели своих детей. Могут ли они быть не набитыми крайними предрассудками?»

У одних больше предрассудков и условностей, у других — меньше, и на каждом шагу люди изумляют друг друга. Например, мамашка возит четырёхлетнего бутуза в коляске и отмораживает в нём всякий интерес к жизни. Мальчику давно надо бегать за мамой, а он толстее и не ощущает в коляске мир всем телом. Он только тускло и лениво созерцает его. И заодно командует мамой. Ещё пример. В метро входит мама с семилетним сыном. Тут же вскакивает на ноги вполне приличная тётя и уступает краснощёкому мальчику своё место, как будто инвалиду. Кругом видим подсобное. Ребёнку три года, он ходит с сосочкой; ребёнку четыре года, он — с айфоном: чем бы дитя ни тешилось... С самого рождения, как кормить, как одевать, какими игрушками забавлять — на всё куча предрассудков, на всё вездесущая мода. О чём больше всего написано книг по теме воспитания? Как надо ребёнка развивать (!) — об этом многотысячные тиражи. И попробуйте сказать вслух, что в основном все эти книги развивают болтунов: накинута сразу со всех сторон их защитники. Слово «развитие» витает вокруг родителей ещё до рождения ребёнка. А с рождением — дети не живут, а развиваются. Во всеобщую силу развития речи, памяти, ума, талантов и других, в общем-то нужных качеств больше верующих, чем в силу очеловечивания характера. Это тоже предрассудок. В семье порываются развивать таланты, вместе с ними подогревают тщеславие, а потом хотят увидеть сочувствующего родителям юношу. Встречаем ли мы сегодня в таком же количестве книги о воспитании совести, например?

Есть такие «почемучки». Святое дело для всех взрослых: ответить на любой вопрос ребёнка, над которым тому лень подумать. Эти «почемучки» не задают один вопрос — их вопросы сыпятся, как из рога изобилия. В каждом походе приходится сталкиваться с таким явлени-

ем. Нас в походной группе 27 человек: трое взрослых, пятеро подростков, которые ходили в походы раньше (они тот актив, который будет помощниками лучше мам), и остальные ребята помладше, от 8 до 11 лет. Любый «почемучка» — узкий психолог, он может не разбираться в чём угодно, но кому задавать вопросы, ему известно хорошо. Засыпать вопросами сверстников бесполезно, они не станут слушать. Надо пытаться взрослых. Таких любознательных наберётся обязательно три или четыре на группу. Они по очереди атакуют меня.

— А почему мы идём по лесу? А вы ездили со скоростью 250 км в час? А когда мы пойдём назад в кемпинг? А когда мы придём в кемпинг, что мы будем там делать? А вы умеете кормить Покемона?..

Второй взрослый — Константин из Санкт-Петербурга, он не располагает детей к праздным вопросам. Мне же как руководителю полагается быть ко всем внимательным. И я почти вежливо отвечаю самому любознательному мальчику на второй, третий... пятый вопрос, тем более что родители его любят путешествовать и хотят увлечь сына в походы.

Походы наши всегда серьёзные. Сначала едем на поезде, потом уходим в глушь не меньше, чем на неделю по какому-нибудь очень красивому маршруту. Родители, если и захотят, то нас не найдут: полная самостоятельность. Но первый день, как правило, начинается помягче. Ночевать будем в кемпинге, чтобы тут же научиться ставить палатки и укладывать правильно рюкзаки. Этим всем займёмся после обеда, а с утра выходим на маршрут без рюкзаков. Нужно втягиваться в трудные километры постепенно. На неделю по плану у нас 80 км с рюкзаками, если повезёт с погодой. При этом важно не отбить желание к походам у младших. Не менее важно ещё истратить всю накопившуюся в избытке

энергию в детях от сидения в школе и дома, чтобы они не разнесли вечером кемпинг. Кемпинг будет в начале и в конце маршрута, остальные ночлеги «дикие». Расположен он в красивейшей долине Кирниш. Весь район называется Саксонской Швейцарией, и здесь, может быть, самое красивое природное место в Германии. Здесь скалолазный рай для опытных альпинистов и одновременно много оборудованных троп, посильных для простых смертных, любящих активный отдых. Школьники в группе в основном русскоязычные из Германии, а также несколько человек из Санкт-Петербурга. Мы топаем по лесной тропе и выходим к высоченным скалам, громоглаголющим над лесом. Дальше нужно выйти на другую тропу, ведущую на Скалу-Шрам (Schrammstein): оттуда открываются грандиозные панорамы. Проходим теснину между скалами, которая называется Великими каменными воротами. Нас завораживают дьявольские громады скал.

— А вы знаете, почему петухи кукарекают? — нарушает тишину всё тот же неугомонный мальчик. Наши подростки уже окрестили его — Птица-Говорун.

— Посмотри, как красиво! — пытаюсь переключить я балагура на окружающую природу.

— А вы умеете собирать кубик-рубик? — снова следует вопрос.

Константин идёт рядом, но в разговорах не участвует. Он всё больше удивляется и начинает рассматривать мальчика в упор, как в лупу; ему интересно, какие ещё вопросы не по существу можно выдумать. Константину, пожалуй, всё интересно: он первый раз в походе с детьми.

Я терпеливо наставляю «почемучку».

— Ты задал мне 20 вопросов. Если каждый из ребят спросит меня по столько же, то мы заблудимся: у меня голова закружится от вопросов. Вот Гоша ещё ни одного во-

проса не задал. Он пусть спросит. Ты на сегодня исчерпал все вопросы, а на завтра у тебя только три. Используй их экономно: а то понадобится, а спрашивать нельзя...

Мальчик через некоторое время забылся и снова подбежал что-то спрашивать. Я разворачиваю его и ещё двоих таких же назойливых. Один из них попытал удачу заговорить с Константином, но Костя посмотрел на него с недоумением и не удостоил ответом.

Этому мальчику до конца дня было уже скучно в кругу своих ровесников.

Отвечать на пустые вопросы детей — распространённый родительский предрассудок. А для самого мальчика постоянные вопросы — это не только упражнения в пустой болтовне. Это целый букет, мягко скажем, подрастающих вместе с ним недостатков. Любознательность на самом деле кажущаяся. В действительности у мальчика мало интереса ко всему, что его окружает. Он скучает в кругу своих ровесников. Сколько ребят окружает его, а он видит и чувствует только себя. Очень красивые ландшафты тоже не рассеивают его привычки сосредотачиваться на собственной персоне. Поэтому и вопросы у него вздорные, они — любые — для привлечения внимания. На поверхностные вопросы вроде незачем искать серьёзные ответы, но взрослые в них хотят обязательно увидеть пытливость ума и считают своей обязанностью отвечать на любой несмысленный лепет. Кругом можно видеть педагогические курьёзы: мальчик спросил какую-нибудь глупость, и взрослый из кожи вон лезет умно отвечать. За нескончаемыми вопросами кроется привычка тянуть на себя постоянное внимание, кроме того, пустые вопросы формируют поверхностное мышление. В навязчивых вопросах проявляется навязчивая воля: обратите внимание на меня любимого. Мальчик привык дома быть центром вселенной, и вне дома, где не все спешат вращаться вокруг его орбиты,

он проявляет активность уже сам посредством бесконечных вопросов. Он может плохо разбираться в людях в целом, но хорошо знать, как привлекать к себе внимание: в этом он немало упражнялся дома. Удивительна его цепкость, с которой он снова и снова пытается выпячиваться. **Гипертрофированная сосредоточенность ребёнка на себе — это уже результат родительских предрассудков.**

Как правило, любители пустых вопросов оказываются и любителями длинных рассказов. Казалось бы, в любой компании всегда есть пара желающих поговорить. Так говорите между собой, спрашивайте друг друга. Нет, такая комбинация им неинтересна: оба хотят говорить, а слушать некому. И им уже скучно в компании. Есть, конечно, люди, которые любят поговорить, но и умеют слушать: их разговоры уже другого содержания. Нельзя не прибавить, что мальчиков болтливых кругом больше, чем девочек, вопреки распространённому мнению. Ни в коем случае я не хочу сказать, что в детской группе должны мало разговаривать и все быть всегда серьёзными. Это уже будут старики. Наоборот: никакого уныния, больше бодрого говора, шуток, острот, задорного смеха! Вообще умение говорить само по себе качество хорошее, но одно дело нести постоянно ерунду, другое — сказать хорошо нужное. О наболевшем в нашем походном уставе есть такой не тонкий намёк: «Лучше нести дрова к костру, чем нести ахинею».

Засыпать вопросами или разговорами окружающих далеко не единственный способ эгоистов привлекать к себе внимание. Подростки часто делают вызовы хулиганством, щёголи и нарциссы — экстравагантными нарядами, панки обращают на себя внимание ультравнешностью. История знает и патологические крайности привлечения внимания к своей персоне. Например, мы знаем Герострата, который сжёг храм Артемиды в Эфесе, чтобы только прославиться. Стремление к позорной славе любой ценой закрепилось в крылатом выражении. Касаясь мифологии, мы можем вспомнить ещё Нарцисса, который погиб от самолюбования: он утонул, любуясь собственным отражением в воде. В мифологическом повествовании древних лежит мораль, что **эгоизм чреват не только для окружающих, но и для самого эгоиста.**

3. Роль здорового и нездорового коллектива

...Мы на маршруте почти неделю и уже хорошо знаем друг друга. Сегодня прошли с рюкзаками за день 18 километров. Вместо 80-ти запланированных наберётся за поход, пожалуй, около сотни. Настя, которой только 13 лет, здорово помогла двум нашим младшим. Самые младшие с трудом ползли с рюкзаками. Слабоидущих я ставлю за собой и прекрасно вижу, что малышки не развелись только благодаря их помощнице. Настя на привале переложила себе по килограмму веса из рюкзака каждой, затем ещё по килограмму раздала другим, и девочки пошли с ней и даже зашебетали на ходу.

Когда я веду группу по сложному рельефу, мне необходимо видеть всех идущих. Вдруг кто-то идёт на пределе своих сил, и ему нужно помочь. На таком маршруте невозможно не обратить внимание на лица, на проявления характеров. Здесь трудно скрывать эмоции, держать привычную маску на лице, да и незачем. Без взаимопомощи в походе не обойтись, и после прохождения сложного участка проникаешься уважением ко многим ребятам.

Кольцо нашего недельного маршрута оканчивается в кемпинге, куда мы подтягиваемся к вечеру. После полного ходового дня все устали... Но через полчаса дети уже скачут. У моих взрослых помощников шок от того, сколько энергии в детях. Помощники лежат на ковриках и не в состоянии шевельнуться. И я бы прилёг, но мне по инструкторскому рангу полагается быть двужилым. Ну, и помогает ещё школа альпинизма, суть которой прежде всего в терпении. Мама диву даётся своей дочери, её неутомимости в 11 лет и тому, что дочь, оказывается, ничего не умеет делать: ни помочь дежурить, ни сложить в рюкзак вещи, ни прибрать своё барахло в палатке.

Она полна порывов сделать дома революцию: перевалить весь домашний быт на дочь. Я не могу не ёрничать по поводу таких благих намерений. Мама снова и снова удивляется, насколько взрослые недооценивают «атомную энергию» детей.

— Тебе, Володя, надо всех родителей вместе с детьми по этим скалам протащить, — предлагает она.

— Ну уж нет! Родителей, желающих испортить поход, хоть отбавляй, они же забота детей опекой.

У меня усталость, в которой всё же присутствует острое ощущение жизни. Поход удался! За неделю у нас всё наладилось в быту, каждый знает свои обязанности, и группа сейчас особенно хорошая. Накипь цивилизации стряхнулась. Что хорошо в натруженности: душа хочет петь. После ужина ребята собрались около гитары. Никого ни в чём не нужно контролировать. Родительница пошла в палатку спать. Я ушёл из кемпинга прогуляться. В конце похода мне хочется сделать перерыв от обильного общения. Когда вернулся, увидел полную идиллию: вокруг стола ребятки мои поют и в лагере порядок. Поют не задорно, как мы поём днём, а спокойно, почти полусёпотом и очень слаженно; поют так, чтобы не мешать всем спящим. Я подсел в стороне к Косте. Костёр в кемпинге можно жечь на специальной подставке, и он уже затухает.

— Дети-то как очеловечились, даже моя Марфуша! — обобщил итог похода Константин. В поход он взял свою дочь Марту.

Укладываться спать, кажется, никто ещё не хочет. Подкинули дров и поём дальше. Лучше всех с особенной проникновенностью поёт Гоша. Его манеру петь копирует младшенькая Катюша. А к Насте прилипли её малышки, которым она помогала. Настя мало говорит и поёт не всегда, но песни любит. Рядом ещё сидит Тоня. Тоня первые дни была замкнута: у неё недавно развелись родители,

и трагедия семьи придавила её. Хорошо, что рядом с ней Настя — лучшая подруга. Талант Насти — в умении понимать других. Она понимает своих подопечных, свою подругу, она чувствует хорошую песню, дружбу, витающую над палатками и нами, полуночниками. У Насти талант человечности. Много хороших ребятков в группе. А ведь я как раз с ними мало поговорил — всё лезли в глаза говорюны. Их же всего четыре человека, и эти эгоистики загораживали собой всех остальных. Рот никому не дадут открыть: только они с вопросами, и они же с ответами. Около них даже Настя, которая хоть и постарше на пару лет, чувствует себя, как в гостях, где надывается телевизор.

Поход, впрочем, и эгоистикам пошёл на пользу, он поставил их на место: то они довели над всеми, а то им указали, что есть ещё и другие люди. Группа наша день ото дня вызревала, в ней сложилась хорошая атмосфера. Общее настроение заставило даже удивиться этих, «зацикленных» на себе нескольких детей. Удивиться тому, что не одни они на белом свете. И что все остальные ведут себя как-то по-другому. Это первый или один из немногих таких их опытов, им нужен тысячекратный коллективный опыт. Но будет мало удивительного, если поход эгоистикам не понравится.

В походной группе быстро устанавливается общее настроение, которое может меняться: оздоравливаться или заболевать. Иногда это настроение подчиняет себе не лучшая часть группы — и тогда обязательно потянет пустоватостью, а вслед полезет пошлятина или цинизм. Неприятный тон: насмешки, пустословие, у кого-то раздражительность — почувствуют сначала лишь некоторые, но ещё не скоро сформулируется у большинства — в чём дело? Если не удерживать здоровой атмосферы, если дать простор эгоистам — поход будет испорчен. Испорчен так, как нередко устраивается и тяготит многих дряненькая атмосфера в классе. Здоровье отношений в коллективе — первая забота руководителя.

Это забота непосильна только одному лицу; руководитель должен опираться на здоровый актив, который поможет с общей атмосферой. Атмосфера здорового коллектива ограничивает эгоистическую волю и, наоборот: в отсутствии коллективных связей людей эгоисты получают простор и подчиняют себе всех окружающих. Для этого они нередко стараются разобщить коллектив. В путешествиях со взрослыми я вслух говорю, что много будет зависеть от двух составляющих: как организовано путешествие и каков состав участников. А про себя думаю, что всё будет зависеть от того, сколько эгоистов в группе: больше двух уже невыносимо. Тему развития коллектива лучше всех обосновал А. С. Макаренко. К его выдающемуся наследию мы обязательно вернёмся.

Чтобы завернуть жизнь школьной группы в здоровую сторону, нужно выполнить адскую работу. Прежде всего такую, которая утихомирит желания визжать, кривляться, безостановочно нести чушь, делать лишние движения. Не будь каждодневных бытовых нужд и трудного маршрута — буйство не остановить. Нельзя ходить в поход со школьниками на один-два дня. От безделья дома и просиживания в школе организм ломает. За два дня выплеснется вся скопившаяся дурь, которая не обойдётся без конфликтов. Это не понравится и самим школьникам. Другое дело — поход на целую неделю! Тут как раз тот простор, на который стремится вырваться подросток, если в нём есть ещё хоть капля живого интереса. В походе его ждёт «романтика»: тяжёлый рюкзак, тропа на крутой подъём, палатка, которую нужно поставить под дождём, опять рюкзак, в котором ничего не найти, еда от таких же безруких, как он, дежурных. Вся эта необходимая и долгая работа вносит рациональные движения для всей походной группы. Не сразу, а постепенно организуется весь быт. Отдых даётся труднее всего: чуть отдохнули — опять кого-то надирает кривляться. Но большая часть группы на третий день уже захочет посидеть у костра. Одни покоят, другие им мешают. Можно предложить покинуть лагерь кому неймётся, тогда живчики затихают, потом снова заводятся, а уходить не уходят: хочется кривляться перед всеми. Наибольшую трудность для налаживания здоровой атмосферы в группе представляют в первую очередь эгоисты. Но нарождающееся в бурных собы-

тиях похода общественное мнение ограничивает и их своеволие. Руководитель тоже настойчиво туда же заворачивает. Всё это **детали руководства, педагогическая техника, которая может быть у каждого организатора своя, но важно чувствовать здоровую линию. Тем легче выполнить эту работу, чем ярче и менее эгоистичен состав группы.** А состав группы — это уже родители, и насколько они угнетены общественными предрассудками.

Глядя на детей, я узнаю многих родителей. За всего недельное путешествие в голове у меня скапливается рой аргументов, способных и чёрта убедить. Но убедить родителей труднее. Убедить в том, что не благо для детей растить их неприспособленными умниками в жизни, а тем более культивировать в них лишней опекой эгоизм. Прибавлю сюда же, убеждать чиновников, повелевающих школой, я никогда не пытался: они враги. Я их обманывал и всю жизнь водил детей в походы. Так делали и делают многие мои коллеги.

4. Яблоко от яблони недалеко падает

После каждого большого путешествия с младшими школьниками у нас полагается отчитаться о нём на родительском собрании. Мы показываем в слайдах фотографии, и родители ахают от природных красот, нами увиденных. Красоты мы не просто созерцали. Мы их прочувствовали и ножками, и весом рюкзаков на плечах, и радостью побед, и товарищеской взаимопомощью. В походе складывается дружба и без капли преувеличения — для многих эта дружба на всю жизнь. Эти сложившиеся экипажи, умеющие дружить без капризов, самые интересные люди среди нас. Они как раз умеют считаться друг с другом. Опирайтесь в воспитании нужно на лучшее в человеке, и о дружбе нельзя не сказать на собрании. Дружба детей радует родителей.

Умиляют их также наши песни под гитару.

— Как это вы смогли за неделю столько песен выучить? — удивляется чей-то папа.

— А у нас правило: кто новую песню не пропоёт с утра, того день не кормим, — балагурю с удовольствием и я, потому что родители довольны походом.

— Вы знаете, уже всю неделю всё делает сам дома! — восхищается ещё одна мама сыном.

— Не переживайте, через две недели всё пройдёт. Или не так было после первого похода?

Смеются все: и родители, и дети. Но мне нужно сказать какую-то понятную формулу, чтобы говорить о бедах, которые брали нас за горло. Стараюсь формулировать по пунктам.

— Три качества нужны походнику:

- 1) умение обслуживать себя и хорошо продержаться (быть самостоятельным в быту);
- 2) умение считаться в походе друг с другом (не быть эгоистом);
- 3) умение находиться в любом месте без постоянного контроля взрослых и не набедокурить (иметь совесть).

Когда начинаю расшифровывать первое качество, мы снова все смеёмся. ...Чистые носки у многих путешествовали в рюкзаке и вернулись домой нетронутыми. Картошку чистим тем же движением, как и строгаем палку. Полгруппы мальчиков порезались ножичками, играя ими. Кому в спальнике жарко, не догадываются открыть замок. Маша две ночи забывала подстелить коврик под спальник и говорит, что кашляет из-за купания. Антону лень одеться, и он сидит и дрожит с вечера; потом оделся, в этом же спал, а на другой день не догадался раздеться и ходил по жаре в пуховке. Многие не догадываются попить, и мамы рядом нет: губы у них потрескались, как будто мы Сахару пересекали без воды.

А дежурство на кухне... И я делюсь тем, какие меня фантазии иногда одолевают в походе.

— Представьте, мы с ребятами неделю на маршруте. А над нами все родители на ковре-самолёте и в шапках-невидимках. Дети дежурят, и помочь им нельзя — так всё заколдовано... Родители! Как бы вы меня понимали сейчас, если бы видели, как они дежурят! Дома вы никогда не увидите тех картин, что разворачиваются в походах: вам легче самим всё сделать.

Реплики, шутки, смех на собрании... Мы смеёмся и говорим серьёзно. Три простых качества, которые нужны походнику, — нужны на самом деле на каждый день жизни.

Люди понимают друг друга глазами, и я вижу, что больше внемлют те родители, которых это меньше касается. А кого касается — с тех, как с гуся вода: они такие же, как их дети. После собрания родители эгоистиков не дадут мне поговорить с остальными родителями. И про своих детей они мало что услышат. «Яблоко от яблони недалеко падает» — в этой пословице многие видят наследственность. Но что тут наследственного: разве родители воспитывают детей каждодневно не по своим привычкам, представлениям, предрассудкам? Разве не своих родителей копируют дети с рождения? Наследственность — запутанная тема, и ей удобнее всего оправдывать любые результаты и даже несостоявшиеся надежды.

5. «И опыт, сын ошибок трудных»

Почему одни люди умеют считаться с другими, чувствуют окружающих, а другие чувствуют только себя или в основном себя? Потому что с **самого рождения у первых и вторых сложились противоположные условия жизни**: одних забавляли и баловали; других, по мере возраста и сил, побуждали считаться

с близкими людьми, с условиями всей жизни. Ребёнок-барчук или же, наоборот, равный член семьи с обязанностями и ответственностью — принципиальная разница. Вследствие этого решающего обстоятельства у одних закрепляется коллективный опыт, у других — индивидуалистский. **Соотношение сочувствия к себе и к окружающим людям определяет характер человека в главном.** Частично об этом уже говорилось. Но заглянем в суть вопроса на уровне ощущений самого человека, на уровне всех его чувств.

Как рождается сочувствие к другим людям? К себе понятно: у человека (всего живого) долгой эволюцией выработан инстинкт самосохранения. Попробуем посмотреть на сочувствие к окружающим в кругу самых близких людей, в каждодневной жизни семьи... Мать пришла с работы, устала, она привычно готовит еду на кухне. Сын, может, учил, а может, и не учил уроки после школы — он живёт какими-то своими интересами. Что мать устала, сын не особо чувствует. Он не приготовил еду сотню раз и не уставал, как мать: как же иначе он может почувствовать (понять) её усталость от домашних забот, если ему не пришлось испытать бытовых трудностей на себе? Пожалеть мать не на словах, помочь ей, когда и сам устал, — вот где начинается сочувствие у ребёнка к окружающим. Но разве эта простая истина понятна всем взрослым? Она непонятна также и многим образованным людям. И почему-то ещё больше непонятна всякого рода психологам, от которых всегда веет предвзвешенными рассуждениями, чем от всех остальных. Не замечать уставшую мать — это не только толстокожесть, это уже и цинизм, который лучше маскируется дома и больше выпирает в школе или в любых сборищах подростковой толпы. Но сердобольным родителям недосуг об этом подумать. В этом рядовом примере — вся механика развития чувств, точнее, сочувствия к другим. Бесконечные хозяйственные заботы присутствуют в жизни семьи ежедневно и в больших порциях. Экономические отношения внутри семьи — это не только заработок родителей, это ещё и быт, занимающий много времени: три раза на день нужно варить, чтобы кормить семью и мыть посуду. А ещё есть уборка, стирка, чистка, закупка продуктов... На чьи плечи ложатся все бытовые заботы — это часто вопрос, кто на ком

едет в семье, вопрос бурных страстей и споров, призывов посочувствовать родителям. Но несочувствие, непонимание сыном родителей потому и сложилось, что мальчик слишком холёный. Это несочувствие к близким — самый очевидный эгоизм, заодно показывающий и родительскую слепоту. Вне сомнения, помогает поддерживать родительскую слепоту политика государства, которая хочет влиять на детей больше, чем семья. Скопированная по западным образцам ювенальная полиция показательно для населения периодически карает родителей за вполне здравые требования, в том числе и требования приучать своих детей к домашнему труду. Ювенальная опека — это отдельная тема, в которой сплошная юридическая несуразность.

Взрослые очень сильно уповают на слова, а восприятие всей жизни у ребёнка происходит на основе его собственного опыта. Не слова, не призывы к прекрасному, а прочувствованный, пропущенный через собственную шкуру опыт приводит к пониманию у него всего сущего, как и к пониманию окружающих людей. Этот опыт (в том числе коллективистский или индивидуалистский), как устойчивая привычка, которая является сутью человека, второй натурой, вырабатывается всеми ощущениями, всеми чувствами. И сочувствие к самым близким людям и ко всем остальным происходит из всего прожитого, прочувствованного, испытанного в жизни. А какой опыт у гольного школяра? У него опыт циника: он привык наблюдать, как усталая мать (или ещё хуже бывает — домработница) его покормит. Есть такие умные и развитые детки, которых в быту обслуживают домашние: лишь бы хорошо учился... Мальчик, конечно, **учится всё знать, но не учится сочувствовать.** Он сочувствует только себе. К подростковому возрасту у него готова удобная философия: его не понимают, у него «трудный» возраст. А что, собственно, в нём

понимать? Это он не понимает, как тяжело матери; у него чѣрствость даже к самому родному человеку, не говоря уже о других. Другой вопрос: почему мать не понимает своих неудач в воспитании или ведѣт к ним.

В педагогической литературе есть много сильных и очень ѣмких высказываний. Знаменитый литературный критик и мыслитель В. Г. Белинский писал: **«Чувство предшествует знанию; кто не почувствовал истины, тот и не понял, и не узнал её».** Но кто такой Белинский? Кто его сегодня читает? Читает в лучшем случае неврастеника Кафку.

Интересно, что родители, склонные излишне опекать детей, ограждать их от трудностей жизни, больше претендуют на образованность и чаще приходят к банальностям, не требующим образования. Им будет по душе что-нибудь близкое к их предрассудкам. Например, «японцы говорят: до пяти лет — царь, до 15 — раб, а потом всю жизнь — друг». Японцы, конечно, не все одинаково воспитывают своих детей, как и россияне, но из «царя» скорее подрастѣт поработитель семьи. И вряд ли он позволит родителям стать «рабом» у них после пяти лет «царствования». Банальности любят налипать на поверхностный ум. Поверхностный ум всегда ищет готовые рецепты. Но даже самые лучшие рецепты будут восприниматься по-разному, вдумчивыми или поверхностными мозгами.

*6. До пяти лет —
наиважнейший возраст*

От рождения до четырёх-пяти лет воспитание ребёнка идѣт активнее, чем на протяжении всей остальной жизни. В этом возрасте вместе с быстрым ростом ребёнок делает титанический рывок в своём развитии. Под развитием многие подразумевают привычку взрослых забавлять ребёнка, самим забавляться им, как игрушкой, или муштровать его искусственными упражнениями. Ребѣнок рождается крошкой со способностью сосать грудь и звать на помощь мать. Затем начинает быстро

расти, ползать, ходить, впечатляться от всего увиденного, больше чувствовать, говорить, думать, во всю мощь действовать; чуть позже станет много понимать, рассуждать и жить во многом самостоятельно. Почему же, быстро изменяясь в физическом и психическом развитии от новорождённого до всё понимающего человечка, он не сообразит, где можно схитрить с родителями и со всеми вокруг него «добренными» людьми. **Инстинкт самосохранения на каждом шагу подсказывает ребёнку, где и как можно потребовать удобств для себя; рассудок взрослых не всегда сообразит, где заканчивается здоровое удобство ребёнка, а где начинается каприз.** В три года уже хорошо видно: с капризами растѣт малыш или нет. Но видно не тем родителям, у которых растут баловни. Если капризный, то родители, как правило, ищут для себя оправдания: гиперактивный с рождения, защищает личное пространство, лидер и такая харизма, в папу или в маму, особо одарѣнный ребёнок... Оправдания могут быть в некоторых деталях и верными, но не в главном. Главное в том, что эгоизм всей предшествующей жизнью уже прочно закладывается в основание характера. К пяти годам это основание ещё больше затвердевает в привычках. **Возраст до пяти лет считали наиважнейшим очень многие из мыслителей.** Тому мы можем найти множество подтверждений как у классиков художественной литературы, так и в хрестоматиях по педагогике.

...В четыре года девочка надрывается, плачет из-за безделушки, которую мама ей не хочет покупать в магазине. Горе на лице у девочки невообразимое и самое крайнее. И мама уступает. В следующий раз девочка сыграет несчастье ещё лучше и добѣтсѣ большего. Не только в этот момент, но уже давно мама упражняет в дочери эгоизм. Даже наоборот: дочь сама уже упражняет родителей подчиняться своей эгоистической воле. Поведение этой четырёхлетней девочки в принципе предсказуемо и на возраст 11, 12,

15 лет: там будет «трудный возраст», пубертат. И, собственно, с чего бы ему там не быть? Там всё противоречиво в четыре года, и это противоречие продолжает культивироваться. Почему же вырастающий здоровый подростковый организм, подбадриваемый гормонами, не тратящий своих сил на близких людей и всех окружающих, не будет беситься ещё больше? Капризный, вздорный, своенравный, противный эгоистический характер, сформированный в раннем детстве, скажется на всю жизнь, как на собственную, так и аукнется окружающим. Эгоизм, заложенный в раннем детстве, проявится в полной силе с другими качествами характера. Любой, хоть немного наблюдательный воспитатель детского сада скажет: уже в садике всех видно, кто каким будет во взрослой жизни.

Закрепляющийся опыт: у одного — опыт эгоиста, у другого — коллективиста, даёт разное восприятие жизни не только в поведении, но и в познании. **И в поведении, и в познании опыт эгоиста искажённый.** В поведении эгоистик норовит удобно устроиться за счёт других, и этим он противопоставляет себя (скрыто или открыто) окружающим людям. Это дома вокруг ребёнка с самого рождения носились неразумная мамашка и тут же родственники, а кто захочет бегать вокруг него в детском садике, во дворе, а затем в школе? Разве жизнь сама по себе — хлопоты всех вокруг одного? А малыши уже к этому привык, врос в эти привычки, и у него постоянные капризы, а с ними и столкновения с другими людьми. Этот ребёнок потреплет нервы не только всем близким, но и самому себе, обратившись с годами либо в неврастеника, либо в деспота. Эгоист с сильным характером окажется деспотом, сначала в семье, потом — с подчинёнными на работе. Власть добавит ему пороков. Всех, кого история заклемила тиранами, были эгоистами уже сизмальства.

Искажённый опыт ребёнка скажется и в познании им окружающего мира: его восприятие будет менее объективным. У эгоистов обычно хорошая память, развитая речь, выразительные способности в детстве, что очень умиляет взрослых, но хуже с вниманием и особенно с глубиной мышления. Все факты жизни он видит в меньшей взаимосвязи; его ум может

быть эрудирован во многом, но будет поверхностен в понимании явлений. Почему так? Потому что **восприятие эгоиста более одностороннее, сосредоточенное в основном на себе. Восприятие не эгоиста богаче. Оно направлено и на себя, и на окружающих людей, как и на все явления вокруг них.** Школяр, пусть даже отличник, часто выезжает с хорошими оценками на памяти и говорливости, но это ещё не значит, что он глубокий человек. Тем более что в образовании очень многие преследуют цель напичкать головы знаниями без глубины их понимания. Свойство и процессы психики: память, речь, воображение, способности и т. д. — закладываются наиболее активно в раннем возрасте, и развивать их важно. Но какая радость родителям, если их развитый и умно говорящий ребёнок — эгоист? Они могут, конечно, этого не замечать. Но подпорченные плоды рано или поздно дадут горький вкус.

Во второй половине XIX в. в России появилась плеяда педагогов и мыслителей, написавших значительные труды о школе и семейном воспитании. Огромное внимание к раннему детству как к особому периоду жизни уделяли Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой, Н. И. Пирогов. Знаменитый хирург Н. И. Пирогов около 20 лет ещё работал на поприще просвещения и написал немало книг, а писатель Л. Н. Толстой организовал школу для крестьянских детей в Ясной Поляне. Много выдающихся людей из разных сфер породила эпоха второй половины XIX в. Развивались в это время и педагогические воззрения. К. Д. Ушинский, создатель научной педагогической системы в России, «учитель учителей», писал о раннем детском возрасте: «Характер человека более всего формируется в первые годы его жизни, и то, что ложится в этот характер, в эти первые годы, ложится прочно, становится второй природой человека».

Один из многих последователей К. Д. Ушинского П. Ф. Лесгафт — крупный учёный в медицине и биологии, основатель научной системы физической культуры, он же борется против официальной реакционной школы России, написал обстоятельный труд о семейном воспитании. В нём он особо подчёркивает значение раннего возраста ребёнка: «Этот период имеет большое влияние на жизнь человека и оставляет почти неизгладимый след на всём его будущем существовании».

7. Значение привычки

Психика есть свойство мозга. На физиологическом уровне привычки, определяющие во многом поведение ребёнка, закрепляются рефлекторным путём. Это происходит так же, как в опытах у собаки Павлова выделяется слюна на еду, — **посредством сигнальной системы высшей нервной деятельности мозга**. Иначе сказать, если ребёнку путём многократных повторений удаётся достигать любых капризов, у него в сознании, то есть в головном мозге, закрепляется опыт капризничать. И наоборот: коллективный опыт вырабатывается так же в психике путём закрепляющейся привычки считаться с окружающими. К. Д. Ушинский написал специальную большую статью о силе привычки в связи с физиологическими процессами мозга.

«Привычка укореняется повторением какого-нибудь действия, повторением его до тех пор, пока в действии начнёт отражаться рефлекторная способность нервной системы и пока в нервной системе не установится наклонность к этому действию».

8. Социальные корни эгоизма и господствующая идеология

Ежедневные новости СМИ извергают ото всюду сплошную ложь, и общество до поры до времени это проглатывает. Если эта ложь приедается — находят новую. Ни одна новость официальной пропаганды не преподносится вне идеологии и рамок

господствующего строя, которым сегодня является капитализм. Причина повсеместной лжи кроется в социальной несправедливости. Есть кучки миллиардеров и мультимиллионеров, и есть многомиллионные нищающие народные массы; есть класс капиталистов и класс наёмных рабов. Само положение жирующего, паразитирующего класса капиталистов по отношению к остальному большинству, в основной массе бедствующего народа, эгоистично. «Сытый голодного не разумеет» — народное понимание эгоистического положения раба около господина, класса капиталистов над подчинённым классом наёмных рабочих. **Социальные корни эгоизма кроются в социальном неравенстве между людьми**. Эгоизм и причины лжи взаимосвязаны. Ложь необходима для оправдания эгоизма.

Неравное положение классов порождает борьбу противоположных идей. Несправедливость между антагонистическими классами оправдывает официальная идеология рассказами о равных возможностях людей и свободе человека на основе демократии. Но для всех ли людей в обществе свобода и демократия? Капитализм — это свобода для капитала (свобода торговли, прибыли и собственность на миллиарды) и их владельцев: в этом вся суть буржуазной демократии. Так же как рабовладельческая демократия не для рабов, буржуазная демократия не для наёмных рабочих, а только для тех, у кого капиталы. Об этом умалчивают проплаченные пропагандисты. Буржуазная сказка о том, что нищающие массы равны в правах и свободны наравне с миллиардерами, похожа на фальшивый праздник 4 ноября — День народного единства — праздник холёного олигарха на яхте и изнурённого шахтёра в забое.

Буржуазная идеология защищает только близкую себе мораль, образ жизни «свободного» от всех угнетённых эгоиста и индивидуалиста. **Индивидуализм и коллективизм — две противоположности в идеологии и морали**. Первую

защищает господствующий класс, вторую, сознательно или с сочувствием, отстаивают наёмные рабочие. Это совсем не значит, что в рабочих кварталах обитают только коллективисты и там не хватает эгоистов или даже защитников индивидуализма. Капитализм — это также анархия производства и волчья конкуренция, в которых участвуют все и воспитываются все. Под воспитанием многие понимают благонравные наставления, которыми должны испарять воздух родительские или учительские уста, а не саму жизнь. **Социальная несправедливость и дикая конкуренция сказываются на всех отношениях людей в семье и в школе, на предрассудки в воспитании и порождают эгоистов во всех слоях общества.** На верхушке социальной лестницы эгоистов больше всего, и там они самые махровые, поскольку прорваться туда можно лишь любыми средствами и не смущаясь совестью. А по мере разжирения их эгоизм нарастает уже до безумия: это, если к слову сказать, об элите. Предрассудки общества тем нелепее, чем больше социальное расслоение в нём. Они набиваются в головы той идеологией и теми волчьими отношениями, какими характеризуется не природа человека, а капитализм. **Мысли большинства — это мысли господствующего класса,** утверждали К. Маркс и Ф. Энгельс в своём капитальном труде «Немецкая идеология».

Эгоисту всегда удобен индивидуализм (не будем путать с индивидуальностью, личностью), на какой бы ступени социальной лестницы он ни находился. Он всегда противопоставляет себя, явно или скрыто, коллективизму. Понимание индивидуализма, как и эгоизма, очень запутанно. В большей мере умышленно, чтобы господствующая идеология могла чёрное выставлять как белое: оправдывать капиталы правящего класса, а с ними их спутников, эксплуатацию, войны, угнетение народов и эгоистическую «свободу» капиталиста. Есть разные теории оправдания эгоистической морали. Если обратиться к пониманию эгоизма и индивидуализма в учёной литературе, то скоро попадёшь в мусорную свалку самых противоречивых мнений. Титулованные профессора (философы, психологи, юристы!), то есть официальные идеологи всех направлений и толков, утверждают вразнобой, что эгоизм, как и индивидуализм, — это хорошо, а также не всегда хоро-

шо. Но в некоторых случаях даже совсем плохо: капиталист ведь не должен обманывать капиталиста. Вся эта галиматья, падающая на голову студента психологического или юридического факультета, говорит о том, что учёные в чём-то не могут между собой согласиться. В чём же? Ведь они учёные! Учёный мир тоже отражает противоречивые мнения классового общества — капиталистов и наёмных рабочих. В Интернете в первую очередь пестрит всё самое несуразное, в том числе от наёмных «столпов науки». **Теория «разумного эгоизма» — наиболее популярная и продвигаемая. Она придумана капиталистами и их холоуями и входит в составную часть их «философии».** Высокопарным слогом в ней оправдывается паразитство правящего класса. В философии во все века её существования всегда боролись два противостоящих направления, к каким бы они философским школам и течениям ни принадлежали: материализм и идеализм. Эти два в корне различных воззрения на мир являются основным вопросом философии. Сами термины «материализм» и «идеализм» в обыденном разговорном смысле означают совсем не то, что в философских баталиях. **Идеализм — реакционное направление, всегда защищает индивидуализм и эгоизм. Материализм отстаивает мировоззрение коллективизма.** Сказанного достаточно, чтобы подчеркнуть социальные корни эгоизма и не погружаться дальше в философские споры. В своём очерке мы берём не философский аспект, а педагогический, который больше касается учителей и родителей.

«Личный эгоизм — родной отец подлости», — бескомпромиссно припечатал Максим Горький. Мыслитель Людвиг Фейербах сказал не только про своё время, но и про сегодняшний день, что эгоизм может быть и общественным («социальный, корпоративный, патристический»), то есть не только офисным поеданием одних другими, но даже

истязанием одних наций другими. Богатые страны держат всеми щупальцами, как свой придаток, зависимые бедные и разжигают в них войны. Ради выкачивания ресурсов по всему миру устраиваются войны по сценарию крупнейших государств. А мещанин (бюргер) старается об этом не думать за пивом. Можно привести **факт массового эгоистического равнодушия обывателя. Вторая Конголезская война (1998–2003) в Африке, которая была совсем недавно, должна была поразить человечество своим злодейством: в ней уничтожено пять миллионов африканцев.** Но ничего подобного. Мещанин даже не знает об этом, хоть и информация под рукой в телефоне. Он болеет за футбол или переживает за кошечек и собачек в Интернете. За это мещанское равнодушие и ему нельзя было не поплатиться: так называемый средний слой сегодня тотально беднеет и в богатых странах, не говоря уже об обездоленных в них. **Эгоизм не имеет границ жадности:** богатейшим недостаточно богатств от сырья и эксплуатации бедных стран, они вскоре начинают стричь, как овец, менее богатых граждан в своих странах. Мещанин, не желающий глядеть дальше своего носа, этого подбирающегося к нему процесса не видит издалека. Он тоже немалый эгоист в своём равнодушии относительно более бедных и угнетённых на земле.

9. Две педагогики

Не идеализируя советское устройство жизни, нельзя всё же отрицать в ней фундаментального состояния науки, в том числе педагогики и психологии. В СССР издательством «Просвещение» с добросовестной последовательностью были составлены хрестоматии и многотомные энциклопедии как по зарубежной, так и по отечественной педагогике. Также Академия педагогических наук выпустила обстоятельно подготовленную серию книг по антологии педагогической мысли не только России, но и почти всех в то время союзных республик. Например, учитель из Киргизстана найдёт «Антологию педагогической мысли Киргизской ССР», которая

будет не менее полезна российскому, грузинскому, казахскому... и вообще всем учителям любой страны. Если, конечно, учитель самостоятелен в познаниях, если он не пешка, а личность. Вся же сегодняшняя писанина для учителей и родителей как раз противоположного направления к такой фундаментальной науке, и почти вся она прозападная (буржуазная), хорошо оплаченная, а стало быть, и модная. И это неслучайно. **Противоположные взгляды на школу, воспитание, просвещение — это две противоборствующие педагогики: для воспитания индивидуалиста и для воспитания коллективиста.** Учителя и родители в этом противоборстве блуждают чаще в сторону господствующей идеологии того времени, в котором они живут. Им, как и всему обществу, подкидывают сплошь заумную идеалистического толка науку психологию, которая настойчиво культивирует эгоизм. «Любить себя!» — на каждом шагу призывает льстиво она. Даже Библия заветствует людям: любить ближнего, как самого себя. А тут — только себя. Может быть, себя — и других не забывать? Нет, сыну-баловню надо любить себя, и мать ещё должна его любить, независимо, любит ли он мать. В этой шарлатанской «науке» эгоизм не только не изъясняет характера, а наоборот — замечательная оригинальность, которой надо умиляться: уважайте все эгоиста, будьте к нему толерантны. Есть и завуалированные обесноования, суть которых в менеджерской выгоде: надо любить и других, — тогда они ответят тем же. Это полезно и для себя... для успешности и прибыли. Почти все новейшие тиражи, заполнившие книжные магазины, библиотеки, Интернет, культивируют эгоизм. В духе времени вся книжная индустрия по психологии и педагогике повернула в сторону эгоиста-потребителя. И любовь стала потребительской категорией. Не торжествует же сегодня предельно ясно сформулированная и вполне здравая мысль педагога **А. С. Макаренка: «Как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему».**

10. Цитаты мыслителей

Из истории педагогики к теме об эгоизме я прибавлю **ещё дюжину цитат наиболее известных педагогов и мыслителей**. Цитатами, конечно, можно и спекулировать, но мы возьмём те, которые больше всего соответствуют мировоззрению названных авторов.

Ян Амос Коменский (1592–1670) — чешский философ, основоположник всей европейской педагогики Нового времени, создатель классно-урочной системы, автор выдающегося труда «Великая дидактика», актуального и для сегодняшнего дня. Он первый, кто поднялся до осознания объективных законов в воспитании и обучении.

«С испорченной природой тесно связан отвратительный порок себялюбия, при котором каждый желает, чтобы думали только о нём одном, оставаясь равнодушным к тому, что происходит с другими».

«Из каждого человека выходит человек, если его не портить».

Джон Локк (1632–1704) — английский философ-материалист и педагог, оказавший большое влияние на педагогическую мысль. Он не признавал врождённость идей и был сторонником добывать знания опытным путём.

«Природа большинства детей портится или по меньшей мере терпит ущерб от баловства и изнеживания».

«Родителям, которым природа внушила любовь к детям, очень склонны переходить в слепую влюблённость... когда разум не контролирует этой естественной привязанности со всей бдительностью».

«Родители, поощряя капризы детей и балуя их, когда они малы, портят в них природные задатки».

Дени Дидро (1713–1784) — французский философ-материалист, просветитель, организатор и душа выдающегося коллектива учёных, написавших 35-томную «Энциклопедию», значение которой в познаниях важно для всего человечества.

«Родители ребёнка, рождённого в бедности, своими грубыми попреками порою добьются большего, нежели родители-богачи, которые прибегают к ласкам или даже слезам, воспитывая своего избалованного роскошью отпрыска».

Жан-Жак Руссо (1712–1778) — просветитель, философ, писатель, педагог, высмеивающий средневековую школу и схоластику.

«Знаете ли, какой самый верный способ сделать вашего ребёнка несчастным? Это приучить его не встречать ни в чём отказа».

«Если видите, что он (ребёнок) вместо расспросов с целью научиться чему-нибудь, начинает молоть вздор и засыпать вас глупыми вопросами, то немедленно остановитесь и будьте уверены, что он не интересуется уже вещью, а только стремится подчинить вас своим запросам».

Генрих Песталоцци (1746–1827) — швейцарский педагог, теоретик и практик народной школы, подвижник воспитания детей бедных родителей, одна из наиболее известных фигур в истории педагогики.

«Мыслящая мать живёт для своего ребёнка в служении его любви, а не в службе его капризу и его животному возбуждённому и развитому эгоизму».

Обобщённый философский взгляд на человеческий эгоизм как явление даёт материалист немецкой классической философии *Людвиг Фейербах (1804–1872)*.

«Имеется не только одиночный или индивидуальный эгоизм, но также эгоизм социальный, корпоративный, патриотический».

Можно привести ещё несколько цитат из истории педагогики России. Вот одна из кратких, но внятных формул очень давней поры известного педагога *И. И. Бецкого (1704–1795)*, который предлагает золотую середину в воспитании.

«Всё чрезвычайное детям вредно: как лишняя суровость от власти (строгости), так неумеренное попечение и заботы от любви равно для них опасны».

Н. А. Добролюбов (1836–1861): «Произвол, который столь многие смешивают с истинной свободой, означает, напротив, самую рабскую зависимость человека от первого встречного впечатления. Оттого-то дети, которых все прихоти беспрекословно исполнялись, несмотря на всю их нелепость, вырастают столь же мало нравственно свободными».

П. Ф. Лесгафт (1837–1909): «Ребёнок лицемерного типа всегда отличается относительно очень быстрыми, как бы непосредственными действиями; они направлены главным образом к достижению ближайшей личной выгоды». «Обыкновенно, по принятому обычаю, на ребёнка смотрят, как на куклу, существующую для потехи взрослых».

А. С. Симонович (1844–1933): «Мы часто встречаем у самых любящих родителей детей испорченных».

Е. Н. Водовозова (1844–1923): «Волю ребёнка легко направить в этот период жизни (от года до четырёх лет), но лишь в том случае, если его ещё не успели испортить баловством, не сделали из него кумира и божка».

Понятно, что цитировать можно кого угодно и быть всеядным. Сегодня часто цитируют реакционных политиков, «эффективных» менеджеров и «успешных» бизнесменов, то есть миллиардеров и их угодников, монополизирующих интеллект. И разбавляют это глубокомыслие с высказываниями прогрессивных мыслителей из истории всего человечества. Из истории туда же пристраивают реакционных деятелей прошлого. Этот идеологический трюк отработан специально, чтобы замешать кислое с пресным и подавать всё в кучу людской массе: запутывать для них понимание современных происходящих процессов. Избежать одурачивания возможно, если хоть немного стремиться понимать, куда нацелена

господствующая идеология: насколько она антинародная. Из этого понимания высветятся и нужные цитаты.

* * *

Из всего вышесказанного попробуем **выделить главное**, то есть несколько обобщить понимание эгоизма и как он формируется в человеке, чтобы перейти дальше к рассмотрению его основных признаков и характерных особенностей и как по возможности не допустить нароста эгоизма в ребёнке. А также что делать, если ребёнок уже эгоист.

Итак, **эгоизм — одна из форм индивидуализма, стремление человека руководствоваться только своими интересами, не считаясь с интересами других. Эгоист человек или не эгоист — это фундамент его характера, структурная клетка психики, стержень, влияющий больше всего на поведение.** Два этих антипода, по сути, определяют бытующее понятие хорошего человека или плохого.

Привычка считаться только со своими интересами — это противоречие в основе психики между персоной и окружающими его людьми, обратная сторона здоровой нормы. Такое болезненное противоречие или, наоборот, здоровая норма должны быть основанием науки психологии, которая на сегодня ещё в зачаточном состоянии и туманностью которой подкармливались всегда шарлатаны. Все основные процессы психики (ощущение, восприятие, представление, мышление, воображение, память, эмоции, воля и т. д.) играют в характере совершенно по-разному и больше всего подчинены тому, насколько человек эгоист или не эгоист.

Эгоизм чреват не только для окружающих, но и для самого эгоиста. Как устойчивая черта, он формируется в ребёнке в самом раннем возрасте и является дефектом воспитания. Это не врождённое качество, а приобретённое, то есть социальное. Его формирование развивается

посредством удовлетворения капризов окружающих. Первое влияние на воспитание оказывает семья, над которой, в свою очередь, довлеют нравы общества (там же и школа) со всеми предрассудками общественного строя. Воспитание ребёнка зависит от конкретных условий его жизни, от среды, в которой он вырастает. **Не слова родителей и учителей, а прежде всего собственный опыт малыша или школьника закрепляют в нём привычки и в основе формируют характер.** Излишней заботой родители и окружающие близкие нередко отгораживают ребёнка не только от инициативы и самостоятельности, но и ведут его в сторону эгоизма.

Для владеющих основами философии можно привести некоторое сравнение. Эгоист — это такое же противоречие в отдельной личности, какое существует в обществе между производительными силами и производственными отношениями. Когда производственные отношения соответствуют производительным силам, в обществе не бывает потрясений. То же с человеком: если он умеет считаться с другими людьми, то его характер будет неконфликтным для всех адекватных людей. **Умение автоматически, по привычке всегда считаться с окружающими делает характер человека лёгким, неэгоистическим и наоборот. Лёгкий характер не противоречит принципиальным позициям личности.**

III. Основные признаки и характерные особенности эгоиста

Отсутствие самокритики

«Эгоисты больше всего жалуются на эгоизм других», — заметил выдающийся историк В. О. Ключевский (1841–1911). Сам эгоист не видит себя эгоистом, по крайней мере не хочет видеть. Он привык порхать с малолетства под всеобщее внимание и умиление близких, и вдруг всё наоборот — его критикуют. Он оказывает яростное сопротивление, если ему оказывают в привычном эго, а тем более попрекают в этом. Критика, даже железно аргументированная, блокируется им вплоть до разрыва всех отношений с посягающими на его, как ему кажется, права. **Любая критика, пусть даже от самых близких людей, воспринимается им**

не как помощь, а как оскорбление.

Сказать при всех о недостатке, которым эгоист теснит окружающих, значит нажить себе врага. Не считаться ни с кем ему можно, а говорить об этом — посягательство на его личность, на права, на свободу вообще. **Требовательные люди кажутся эгоисту недобрыми или даже жестокими.** В силу того, что ему чужда самокритика, он легче принимает лесть в свой адрес. По своему искажённому чутью он даже дружит с теми, кто его не критикует и к нему не требователен. Соответственно, и друзья у него чаще тоже эгоисты, и эти друзья до поры до времени. Их дружба проверится лишь тогда, когда нужно будет жертвовать чем-то личным, помочь в нужную минуту, то есть когда нужно вступать в действительные отношения, а не только быть вежливым на пустом месте. «Не суди» — проповедуют кругом официальные мудрецы постулат Библии, и эгоист удобно под себя хватается за священную мудрость: судить его нехорошо.

Но не судить совсем — не получится. Любой конфликт, хоть и внутри семьи, — уже осуждение. А если мы в горах классом? Даже если ничего не говорить вслух, всё равно в мыслях все друг друга оценивают. Надо ли малодушничать вежливостью? У альпинистов давно сложилось такое понятие — «разбор». В наших школьных группах мы называем это подведением итогов, которые делаются в последний день путешествия. Все ошибки, допущенные в сегодняшнем походе, лучше учесть, чтобы не допустить их в следующем: в этом залог безопасности. И не только. Дежурные, например, безответственно продежурили, и группа осталась полуголодной. Оценка ставится каждому, притом не от руководителя группы, а от всех участников. Кто хочет высказаться — пожалуйста, но главным итогом будет оценка от всех голосованием за 2, 3, 4, 5. Оценка группы почти всегда объективнее оценки руководителя. Да, инструктор — опытный в горах

человек, и он обязан повелевать на сложном маршруте. Но на подведении итогов мнение большинства важнее. Это не просто мнения. Это мнения, в которых не остаётся места словоблудию: здесь все увидели друг друга в общем деле. Реакция на похвалы, критику и оценки бывает разная. Те, у кого присутствует самокритика, могут переживать за сказанное, но они быстрее принимают замечания коллектива. Все раненые себялюбием только обижаются. Некоторые бросают походы, потому что им не польстили. И всё же подведение итогов подавляющим большинством группы воспринимается как самый честный разговор: в нём всё проверено большим событием. Нельзя не сказать правду о густо прожитых днях! И правда как на ладони: что можно скрыть друг от друга в многодневном походе и в затерянной дали?

Тому, кто получил «5», могут прибавить пожелание. Например, задавался или немного злоупотреблял властью коменданта, хоть и помогал всем тяжело идущим на маршруте. Кому-то скажут, что нашли в нём друга: «Если ты пойдёшь в следующий поход, я тоже пойду». Бывает, друг критикует своего давнего друга, и второй не обижается, это тоже признак настоящей дружбы. Кого-то упрекнут жёстко: верзила, а обижал младших. Я не помню ни одного похода, чтобы разговор прошёл равнодушно. Если провести такое собрание в школьном классе, но без похода, то разговор может не получиться: он будет беспочвенным. Из него, может быть, даже выйдут ненужные склоки. Потому что не было большого события, преодоления трудностей, столь тесных отношений; не были проявлены характеры полностью. Есть такая закономерность: чем меньше эгоистиков и чем больше требовательных людей в группе, тем строже оценки.

Открытый разговор чужд только эгоистам. Взрослым, кто отважился пойти со школьниками, тоже ставят оценки. Одному из таких папашек поставили однажды тройку. Он со мной потом год не разговаривал. Я, конечно, пытался дипломатически сгладить оценку, но собрание сразу лишило меня слова. У отца семейства отметили не только его грубость, но и то, что он больше всего заботился о себе. И когда ставили оценку мне, то вежливо намекнули, что со взрослым помощником я промахнулся.

Почему-то все взрослые думают, что они запросто найдут общий язык со школьниками, да ещё в походе: для этого достаточно всего лишь их внешней солидности. Я старался, но не всегда находил подходящего помощника, который необходим даже по формальным правилам. И пользы с него, как с козла молока, а куда деваться — «положено». Такие взрослые ещё любят почему-то пользоваться всякими привилегиями в детской группе. Единомышленник в работе — великая удача! Если взрослый удачно подобран, тогда достаточно сказать детям, что он не будет выполнять роль прислуги, а на правах рядового участника в свой черёд продежурит и т. д. Его авторитет никак не упадёт от этого. Наоборот, за то, что он не станет лезть кругом папашкой, его будут ещё больше уважать. Если такой взрослый внесёт в коллектив ещё своей личностью неунывание или что-то творческое, его будут обожать. Мне всё же со взрослыми везло: почти всегда удавалось находить помощников из настоящих оригиналов. Все они были требовательны к детям и уважаемы ими... Разве что не могли угодить эгоистикам. **НО**

About Selfishness

Vladimir A. Snatenkov, traveler, full member of the Russian Geographical Society, has visited more than 150 countries around the world, vsnatnikov@gmail.com

Abstract: In the article, the author discusses such an important human quality as egoism; analyzes the origins of the formation of this phenomenon; identifies its social roots; gives the main signs and characteristic features of the egoist.

Keywords: egoism, egoist, sympathy, meanness, humanity, friendship, unscrupulousness, prejudice, ideology, consumer.